

Модели взаимодействия стран-доноров с научной диаспорой: от возвращения к сотрудничеству*

Рассматривается важная проблема «мобильной социологии» — проблема научной диаспоры. Для анализа используется акторно-сетевая методология. Описывается опыт ряда стран в решении проблем мобильности. Выявляются две основные модели взаимодействия государства с выехавшими за рубеж учеными: модель репатриации/ запрета, корреспондирующая с консервативным взглядом на проблему «утечку мозгов», и модель взаимодействия, коррелирующая с либеральным подходом, позволяющая смягчить потери от интеллектуального оттока.

«Империи будущего — империи ума»

Уинстон Черчилль

Эти слова Уинстон Черчилль произнес, выступая в Гарварде в 1943 году, однако спустя 70 лет метафоричное высказывание звучит довольно свежо: дело не в имперском духе, но в стремлении государств сохранить конкурентоспособность, которая в обществе знания определяется человеческим капиталом, интеллектуальным ресурсом. За таланты, умы сегодня разворачивается настоящая охота, условием которой является их свободное «перетекание», таланты образуют потоки, русла, имеющие определенные векторы движения. В этой

связи важно понять, как распределяются эти потоки, и каковы механизмы их регулирования странами, теряющими дорогостоящий товар. Что скрывается за парадоксально звучащим словосочетанием «выигрыш от утечки мозгов»: действительные преимущества для государств-доноров от потери научного потенциала, или серьезный диагноз (старение кадров, исчезновение научного направления и т.д.), который пытаются эвфемизировать? Но прежде сформулируем общие теоретические замечания относительно проблемы.

«Мобильная наука»: методологические подходы

В «текучей» модернити, в отличие от «устойчивого», прочного модерна, перемещения носят тотальный характер, затрагивают все сферы жизни, имеют горизонтальную структуру и сложную пространственно-временную конфигурацию. Подчеркивая этот факт, сегодня говорят не просто о мобильности, а «мобильностях» — людей, информации, знаков, имиджей, отходов. В традиционной социологии считалось, что социальная структура общества складывается из общностей разных уровней — национальных, региональных, местных; что со-

циальная идентичность конструируется акторами на основе языка, национальной принадлежности, религии, привязки к месту, а мобильность реализуется в формах и пределах, обозначенных еще П. Сорокиным. Новые мобильности размывают национальные границы, разъедают представления о национальном обществе, ставят под вопрос его социальную управляемость (только общая численность китайской диаспоры составляет 47 миллионов человек). Это обстоятельство трансформирует предмет социологии, которая традиционно вращалась вокруг

* «Статья выполнена в рамках Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Традиции и инновации в истории и культуре», проект «Международная мобильность российских ученых (на основе социолого-наукоеведческих исследований)»

«национального общества». Сегодня же категория «мобильность» становится важнейшей в рамках новой социологической парадигмы (если использовать куновский язык) и ведет к пересмотру базовых понятий традиционной социологии: гендера, семьи, идентичности. Формируется «мобильная социология». «Я стремлюсь представить манифест социологии, которая изучает различные мобильности, ... и их социальные последствия», — пишет Джон Урри в работе «Социология за пределами обществ. Мобильности двадцать первого столетия» [1, с. 1].

Наука также втянута в водоворот мобильностей, что не может не сказаться на социальной рефлексии относительно этой области. Прежние теоретические конструкты структурного функционализма и институционализма оказываются мало подходящими для анализа современных процессов в производстве нового знания. На институционализацию науки оказывают влияние транснациональные тенденции, реформы высшей школы независимо от того, в какой стране реализуются, носят сегодня во многом унифицированный характер. Наука по своей природе интернациональна (звучит как клише), и многие исследователи, изучающие миграционные процессы в области образования, сравнивают современную интернационализацию со Средневековьем, называя ее «новым Средневековьем». Но глобализация рынка, стремительное развитие технологий, интенсификация потоков, культурная гетерогенность — печать нашего времени. Мобильность дисквалифицирует сегодня, ставит под сомнение, такие «ядерные» понятия в социологии науки как научные школы, исключает привязку к месту. Академическая карьера европейского ученого, его социальный статус напрямую увязаны с мобильностью: чем больше «разных мест» перечислено в CV ученого, тем большая вероятность выиграть конкурс и занять более высокую академическую позицию. Вместе с тем для характеристики ученого наряду с понятием экономического, символического капитала приобретает особое значение

понятие « сетевого капитала ». В целом, приходится констатировать, что новая организация научных исследований и образовательного процесса схватывается в понятии «мобильная наука», модусом ее существования оказывается «сеть», а наиболее распространенным методологическим подходом к исследованию является «сетевой» (заметим, что сетевой подход впервые был применен Б. Латуром именно к исследованию истории науки, а оттуда импортирован в другие области).

Мобильность, исследуемая в рамках традиционной социологии (например, в структурном функционализме), так или иначе замкнута на национальные государства, национальные общности, на классовые структуры: государство выталкивало за свои пределы социально-опасные группы, насильственно переселяло их из «одних мест» в «другие» (позднее Средневековье, начало модерна, эпоха тоталитарных режимов в различных странах). Зачастую массовый отток населения был спровоцирован крахом правящей элиты, государственным переворотом, войнами, колонизацией новых земель. При этом интенсивные потоки переселенцев воспринимались как временные эпизоды, как нестабильность, за которой последует устойчивость и неизменный порядок. За последние два - три с половиной десятилетия ситуация радикально изменилась: мир пришел в движение, наступило турбулентное время, которое уже никогда не закончится. В этой связи З. Бауман, выступая с лекцией в Москве на «полит.ру», заметил: «... Миграция сегодня — это проблема глобальная. Это не частная собственность Европы, но общечеловеческое явление. И миграция не кончится, это наше будущее, хотим мы этого или нет, довольны мы этим или нет» [2]. Современная миграция селективна: страны-реципиенты предпочитают отдавать мигрантам с высокими квалификационными качествами. Изменение в мировой политической конфигурации инициировало новые интеллектуальные русла: в ландшафте мобильностей обозначился самый мощный

поток научных кадров из Китая, интенсифицировалось перемещение специалистов из Индии, из стран Восточной Европы (бывшего социалистического лагеря). Вместе с тем, циркуляция кадров свойственна и развитым странам, некоторые из которых имеют отрицательное сальдо (чистый отток специалистов превосходит чистый приток). Сегодня «перетекание умов» носит транснациональный характер, оно приобретает, по сути, автономный режим существования, в значительной мере дистанцированный от научной политики страны исхода.

«Новое видение социального», «вынесение за скобки национального государства» — именно в этом контексте Д. Урри говорит «о социологии за пределами общества» — требует иной методологии и иного языка, выражающихся в использовании метафор. На первый взгляд, кажется, что язык современного социологического знания не обладает научной респектабельностью и надежностью. Но следует подчеркнуть, что метафоры всегда использовались для понимания мира, достаточно припомнить новоевропейские «*mashina mundi*» или «человек-машина», представлявшие новый взгляд на природу, из которой все живое было «выпотрошено», взгляд, делающий возможным появление новоевропейской науки с ее гомогенностью пространства, всеобщей детерминацией и субъектно-объектной оппозицией. В нашем случае метафора как эпистемологический при-

ем точно репрезентирует особенности социальных связей и несет в себе новую «социальную топологию», заменяющую топологию региона. Эти новые метафоры — «русло», «узлы», «сеть», «турист», «квартирование». Язык социальной экологии («потoki веществ», «перенос», «цепочки взаимодействия») также импортируется в область социологической теории и адаптируется для общесоциологических нужд.

Для анализа миграции обычно применяются две верифицированные, не противоречащие, а скорее, дополняющие друг друга теоретические конструкции «притяжения — отталкивания» и «центра — периферии». Системная предрасположенность к оттоку специалистов, проявляющаяся в инфраструктурной необеспеченности науки, низком качестве жизни, невостребованности специалистов на отечественных рынках, выталкивает их в страны, которые предоставляют шанс для реализации их потенциала. Объективные предпосылки для «закачивания» студенческих потоков в экономически развитые государства создает также демографическая асимметрия между европейскими и азиатскими странами (старение населения в Европе и рост численности в азиатском регионе). Руслу интеллектуальных ресурсов движутся от периферии к центру — в страны, которые славятся образовательными брендами, где сконцентрировано наукоемкое производство, где высокое качество жизни.

Диаспора как коллективно-сетевой актор

Сегодня диаспора — это не столько этническая группа иммигрантов, «физически» занимающая определенную территорию, сколько коллективный актор научно-технологического сотрудничества, организующийся на веб-страницах и в социальных виртуальных сетях. Диаспоры организуются по сетевому принципу и представляют собой открытые структуры, способные неограниченно расширяться путем включения новых узлов (научных центров, лабораторий, инвестиционных фондов и т.д.), если используются при

этом аналогичные коммуникационные коды (например, производство определенного знания). Сеть — это метафора, помогающая визуализировать «смещения» действий от одного узла, связки, к другому и зримо провести линии связи. Б. Латур заметил, что «в самом простом, но и в самом глубоком смысле, понятие сети используется всякий раз, когда действия должны быть перераспределены» [3].

Китай, Индия — самые крупные поставщики человеческих ресурсов на мировом рынке. Выбор страны назначения

эмигрантом обусловлен комплексом обстоятельств: высоким уровнем научных исследований, существованием исторических связей и географической близостью стран исхода и приема, наличием диаспор соотечественников [4, с. 12–32] Наиболее конкурентной страной-реципиент являются США, туда стекаются «мозги» не только из стран периферии, Соединенные Штаты притягательны также и для европейских специалистов. Научная диаспора формируется благодаря студентам, обучающимся за рубежом, и специалистам, которые по контрактам (постоянным или временным) переезжают работать в научно-образовательные и исследовательские центры. Научные диаспоры Индии, Китая образовывались, прежде всего, из студенческих потоков (рис.1), российская диаспора складывалась из ученых, покинувших страну преимущественно в постсоветский период.

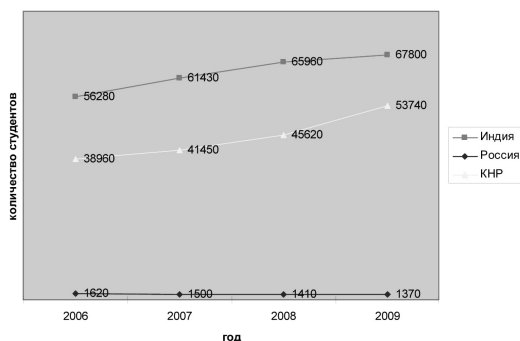

Рис. 1. Количество студентов, поступивших на естественнонаучные и инженерные специальности в вузы США

Источник: Национальный научный фонд США. National Science Foundation URL http://www.nsf.gov/statistics/infbrief/nsf10324/?WT.mc_id=USNSF_179

Согласно китайским источникам, в КНР в области науки и техники заняты 18 млн. человек, а за рубежом работают 600 тыс. специалистов китайского происхождения, из них в США – 450 тыс. [5, 18]. С каждым годом количество студентов, получающих образование за преде-

лами Китая, увеличивается, при этом возрастает и число возвращающихся на родину. Согласно Бюро национальной статистики Китая, в 2009 году число магистров и аспирантов, обучающихся за рубежом, достигло 229300 человек, а количество возвратившихся в том же году – 108300 человек, в 2008 году, соответственно, – 179800 и 69300 человек (рис. 2) [6].

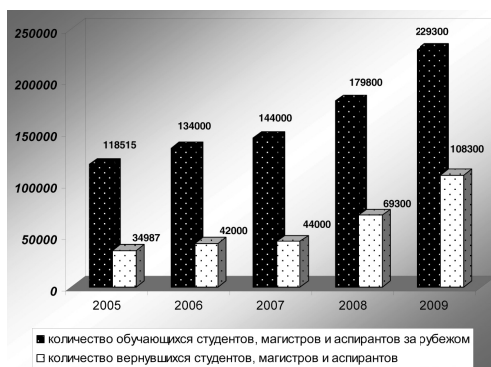

Рис. 2. Распределение студентов, магистров и аспирантов из КНР, обучающихся за рубежом и вернувшихся из-за рубежа по годам

Источник: Number of Postgraduates and Students Studying Abroad // China statistical yearbook on science and technology 2010¹

Индия, как и Китай, несет существенные потери от перемещения умов. Число индийцев, проживающих в США с 1965 года, стремительно росло: с 51 000 человек в 1970 до 1 000 000 человек в 2000 году [7]. К началу 1990-х годов индийская иммиграция в США на 85–90% была представлена специалистами и членами их семей [4, с. 57]. По некоторым данным [8], в 2006 году в США проживало 1 519 157 уроженцев Индии (рис. 3).

Типичная жизненная траектория индийских мигрантов, составивших научную диаспору в США, определяется следующими ключевыми пунктами: получение степени бакалавра в престижных Индийских институтах технологий (ИИТ), обучение S&E (Science & Education) в

¹ China statistical yearbook, 2010 [Electronic resource] //National Bureau of Statistics of Ministry of Science and Technology of the People's Republic of China . China Statistics Press, 2010 URL: <http://www.stats.gov.cn/tjsj/ndsj/2010/indexeh.htm>, дата обращения 29 ноября 2011 года

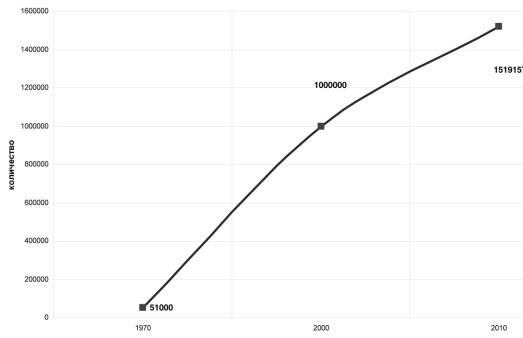

Рис. 3. Численность индийской диаспоры в США

Источник: Saxenian A.L. *Silicon Valley's new immigrant entrepreneurs*. Berkeley: Public Policy Institute of California 1999 //URL http://www.pplic.org/content/pubs/report/R_699ASR.pdf

лучших американских университетах, докторантура и PhD, работа в известных инновационных лабораториях или преподавание в ведущих университетах. По численности иностранных ученых, работающих в американских университетах, выходцы из Индии в 2006 году занимали третью позицию, существенно уступая Китаю и незначительно Корее.

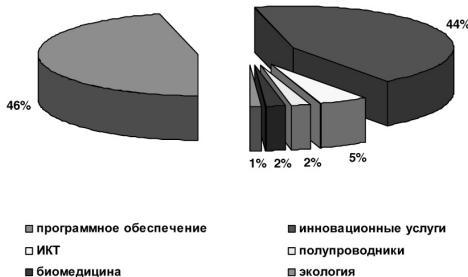

Рис. 4. Распределение высокотехнологичных фирм, учрежденных индийцами в США по областям знаний

Источник: Wadhwa V., Saxenian, A.L., Rissing, B., & Gereffi, G. (2007). *America's new immigrant entrepreneurs* URL http://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=990152

В 1990-е годы некоторая часть индийцев уходит в инновационный бизнес и учреждает наукоемкие компании. Индийские иммигранты стали самой доминирующей этнической группой среди учредителей высокотехнологичных фирм в Соединенных Штатах. Если в период между 1980–1998 годами им

принадлежало 7% наукоемких компаний Силиконовой Долины [9], то к 2005 году – уже 15,5% [10]. Компании работают в таких ультрасовременных областях, как программное обеспечение (46%), инновационные услуги (44%), ИКТ (5%), полупроводники (2%), биомедицина (2%) и экология (1%) (рис. 4).

Данные фирмы рассеяны по всей стране, однако их наибольшая концентрация наблюдается в Калифорнии (26%) и Нью-Джерси (14%) [7].

В 1987 году появляется Ассоциация индийских профессионалов Силиконовой Долины (The Silicon Valley Indian Professionals Association – SIPA), в 1992 году американскими предпринимателями, эмигрантами из Индии, была создана еще одна общественная организация – Индийский антрепренер (The Indus Entrepreneur – TiE). Обе ассоциации предоставляют выходцам из Южной Азии доступ к ресурсам и информации (вплоть до поиска инвесторов) и возможность включиться в деловые сети исследований и разработок. Индийская диаспора играет важную роль в установлении научного сотрудничества, экспорта технологий обратно из США в Индию, способствуя размещению на родине компаний аутсорсинга. The Indus Entrepreneur профинансировал около 300 стартовых проектов, открыл свои представительства в Бангалоре, Мумбаи, Дели, Хайдерабаде, Калькутте. Существуют и российские диаспорные организации, например, RASA (Russian-Speaking Academic Science Association Home) – центр, объединяющий ученых-соотечественников из 12 научных групп Европы и США, возглавляемых российскими экспатриантами.

Кроме национальных сетей, экспатрианты вхожи и в наднациональные профессиональные сети. Российская научная диаспора, включающая в себя по разным оценкам от 30 тыс. до 45 тыс. соотечественников за рубежом, формировалась, преимущественно, за счет потоков специалистов, выезжающих на работу в страны с развитой экономикой. Студенческая образовательная миграция

из России сравнительно невелика: по данным Института статистики ЮНЕСКО, Россия занимает восьмое место в мире по количеству студентов, обучающихся за рубежом (рис. 5).

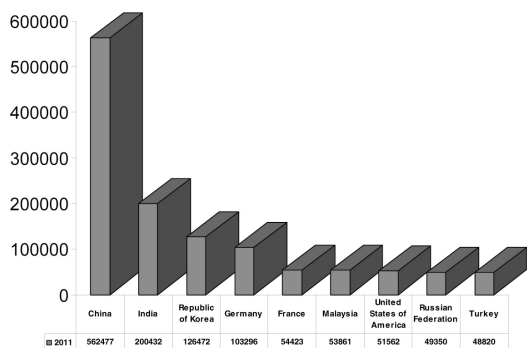

Рис. 5. Количество студентов, обучающихся за рубежом из определенной страны (2011 г.)

Источник: UNESCO Institute for statistics. Statistical tables, Table 18-B, Outbound mobile students (students from a given country) URL: http://stats.uis.unesco.org/unesco/ReportFolders/ReportFolders.aspx?IF_ActivePath=P,50&IF_Language=eng

Однако студенческие потоки интенсифицируются, с каждым годом желающих учиться за рубежом становится все больше (рис. 6).

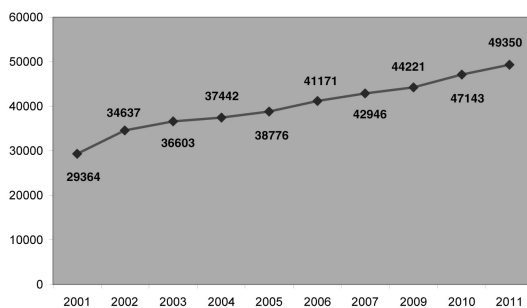

Рис. 6. Динамика численности студентов, обучающихся за рубежом из России (2001–2011 гг.).

Источник: UNESCO Institute for statistics. Statistical tables, Table 18-B, Outbound mobile students (students from a given country) URL: http://stats.uis.unesco.org/unesco/ReportFolders/ReportFolders.aspx?IF_ActivePath=P,50&IF_Language=eng

Российские специалисты выезжали на работу за границу главным образом из тех

научно-исследовательских учреждений, прежде всего, академических институтов, которые поддерживали интенсивные контакты с зарубежными партнерами. Иначе говоря, они были интегрированы в международные коммуникационные научные сети, благодаря совместным проектам и исследованиям, еще будучи на родине.

Зарубежные исследователи Р. Кист и М. Мэнделл вводят разграничения между понятиями «сеть», «сетевое образование» (networking) [11, с. 364]. «Сетевое образование» как процесс предполагает установление связей между людьми, которые посещают конференции и деловые встречи, а также используют такие коммуникационные технологии, как e-mail, блоги и форумы. Научные сети возникают в том случае, если связи между людьми и организациями становятся формализованными, строятся на взаимном интересе (для Б. Латура интерес является исходным), действия координируются, и результаты рано или поздно выходят за пределы научного центра (лаборатории) и в некоторой степени изменяют общество. Для вхождения в сеть большое значение имеют личные контакты и неформальное общение. Отсюда следует, что необходимым источником становления сетевой структуры выступает межличностное доверие, которое достигается посредством осознания необходимости совместной работы, следовательно, взаимозависимости участников структуры.

Для уяснения современных форм производства знания «сетевой момент» представляется принципиальным: высокая плотность научных контактов достигается через сетевую организацию. Если в мобильной социологии современный человек осмысливается как турист, потребляющий места развлечений, то в мобильной науке ученый также становится «дискавером», потребляющим места производства нового знания (университеты, лаборатории, конференции и т.д.). В этой перспективе решения российских государственных научных фондов о прекращении финансирования поездок ученых на зарубежные конференции вы-

глядят нелепыми и приходят в противоречие с современными принципами организации научной деятельности.

Стремление к самореализации заставляет ученых и студентов вливаться в интеллектуальные потоки, векторы которых направлены от периферии к центру. Выехавшие за рубеж ученые оказываются интегрированными в национальные и наднациональные научные сети зачастую еще до того, как покинули (временно или постоянно) пределы родины. Государства исхода несут серьезные по-

тери самого ценного ресурса в обществе знания — человеческого капитала. Так, в одном из докладов Китайской академии общественных наук, утечка умов квалифицируется как «новая форма колониализма, с помощью которой Запад эксплуатирует уже не сырьевые ресурсы, а интеллектуальный потенциал развивающихся стран». В этой связи важно понять, какова национальная научная политика стран-доноров по отношению к «утекшим», что означает, по сути, к транснациональным интеллектуальным потокам.

Научная политика стран-доноров в области интеллектуальной миграции

Самой энергичной, изобретательной и гибкой политикой по отношению к выехавшим за рубеж научным кадрам можно считать научную политику Китая. Ее концептуальные основы заложены Дэн Сяопином, который включил интеллектуальный ресурс диаспоры в план возрождения страны. В 1992 году было принято «Уведомление Канцелярии Госсовета относительно лиц, обучающихся за границей». В нем, в частности, говорилось: «Приветствуем возвращение для работы на родине лиц с заграничным образованием. Лица, получившие образование за государственный счет, должны по окончании обучения вернуться и служить родине» [5, с. 20]. Но ориентация исключительно на репатриацию специалистов не эффективна, поэтому КНР поощряет любые формы сотрудничества — от инвестиций до кратковременных визитов с курсами лекций. От лозунга «Возвращайтесь и служите Родине» правительство переходит к новому слогану: «Служите Родине». Одна инициатива следует за другой: «100 талантов», «1000 талантов», «Заморские таланты — на службу родине», «Создание зеленого коридора для возвращения талантов китайского происхождения, обучавшихся за границей», университеты и академии также привлекают представителей научной диаспоры для совместной работы.

Вернувшиеся специалисты составляют 81% от общего числа академиков

Китайской академии наук, 54% от числа Китайской инженерной академии, 72% от численности руководителей базовых учебных и исследовательских центров и ведущих лабораторий государственного и провинциального уровня [5, с. 27]. По программе «Фонд репатриантов: запуск S&T исследований» профинансировано с 1990 года 10926 репатриантов. Проект «Таланты XXI века» (1993), направленный на поддержку молодых преподавателей вузов, вернувшихся из-за границы, охватил 922 человека. По данным Национального бюро статистики КНР, в 2009 году в 112 лабораториях, подведомственным Министерству образования, работало 3444 приглашенных исследователя, в 71 лаборатории Китайской академии наук их число составляло 1837 человек [12, р. 206]. Это некоторые итоги «агрессивной» политики КНР, направленной на кооперацию с покинувшими страну специалистами. Они красноречиво свидетельствуют о том, что национальное государство не может полностью управлять интеллектуальными потоками, вливающимися в транснациональные русла, но может в определенной мере компенсировать потери от оттока высококвалифицированных кадров, однако называть это «выигрышем» сомнительно.

Сравнительно с Китаем Индия обладает ограниченными ресурсами в области кооперации с выехавшими за рубеж соотечественниками. Индийская

научная политика эволюционировала от стратегии запрета на выезд из страны отдельных категорий специалистов в 1970-е годы к институционализации связей с диаспорой. Эффективно работают государственные программы, поддерживающие трансфер знаний в индийские научные центры, экспатриантов включают в экспертные и консультативные советы на родине. В 2000 году был создан комитет по индийской диаспоре, основной задачей которого стало «привлечение капиталовложений в сферу информационных технологий и обеспечение индийских фирм заказами из-за рубежа» [13, с. 45]. В 2007 году правительство объявило об организации Глобального индийского фонда с целью вложения средств диаспоры в развитие образования и здравоохранения в Индии. В целом, политика исходит из здравого прагматизма: если повернуть вспять русла потоков эмигрантов невозможно, тем более, что высококвалифицированные кадры избыточны для национального рынка, то от кооперации с диаспорой можно получить определенные преимущества. Очевидно, что традиционный, консервативный взгляд сменяется на либеральный, алармистские настроения уступают место прагматизму.

В последнее время научная политика РФ по отношению к диаспоре соответствует мировым трендам, однако долгое время никаких конкретных мер, направленных на сотрудничество с учеными-экспатриантами, не предпринималось. Поворотным пунктом научной политики государства в области мобильности научно-педагогических работников можно считать приоритетный национальный проект «Образование» (2005 г.) и ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009-2013 годы, раздел 1.5 «Проведение научных исследований коллективами под руководством приглашенных исследователей». По этой программе за два года (2009 и 2010) 210 соотечественников были приглашены в российские научно-образовательные учреждения. В 2010 году стартовал конкурсный проект ме-

га-грантов Министерства образования и науки РФ по привлечению в российские вузы ведущих ученых, проживающих за рубежом в целях реализации постановления правительства РФ «О мерах по привлечению ведущих ученых в российские образовательные учреждения высшего профессионального образования». Эта инициатива получила продолжение в 2011 году. За это время в вузы страны для создания лабораторий было привлечено 79 соотечественников из-за рубежа. В 2012 году к участию в проекте мега-грантов будут допущены и академические учреждения, но сумма гранта для них значительно меньше, чем для университетов.

Достижения от сотрудничества с учеными-соотечественниками, проживающими за рубежом, в РФ пока скромные. Ученые «перетекают» туда, где созданы дорогостоящие лаборатории и обеспечено высокое качество жизни. Если в стране нет надлежащих мест (узлов) для производства нового знания, которые были бы включены в международные научные сети, то возможности государства влиять на перетекание человеческого капитала чрезвычайно ограничены. Определенные изменения, свойственные национальным политикам по отношению к диаспоре, позволяют выявить две основные модели взаимодействия государства с выехавшими за рубеж учеными: модель репатриации/ запрета, корреспондирующая с консервативным взглядом на проблему «утечку мозгов», и модель взаимодействия, коррелирующая с либеральным подходом, позволяющая смягчить потери от интеллектуального оттока. Это верифицированные теоретические конструкты и в чистом виде встречаются редко. Предельным, слабым вариантом второй модели является исключительно сетевая электронная коммуникация, на которой научные исследования не построены.

В целом, можно предположить, что меры, предпринимаемые странами-донорами по отношению к соотечественникам за рубежом, приносят положительный результат: вместе с оттоком ученых

идет обратный процесс, увеличивается число граждан, вернувшихся в свои государства, прежде всего, в страны с растущими экономиками – Китай и Индию, где улучшаются социально-экономические условия и реализуются программы сотрудничества с соотечественниками, поощряется мобильность кадров. Инвестирование государства и бизнеса в на-

учно-исследовательскую инфраструктуру и развитие социальной сферы в целом являются основными условиями возвратной миграции. Однако очевидно и другое – национальное государство, сталкиваясь с новыми вызовами, не в состоянии разрешить проблемы, имеющие транснациональный характер, к которым и принадлежит проблема «утечки мозгов».

Выводы

Сегодня мобильность является существенной чертой организации научных исследований. Изменение в мировой политической конфигурации сдвинуло интеллектуальные потоки: обозначилось самое мощное движение научных кадров из Китая, интенсифицировалось перемещение специалистов из Индии, из стран Восточной Европы (бывшего социалистического лагеря).

Трансмиграция научных кадров носит наднациональный характер, она приобретает, по сути, автономный режим существования. Сегодня страны-доно-

ры стремятся смягчить потери от оттока самого ценного ресурса в обществе знаний – человеческого капитала, привлекая к сотрудничеству «утекших».

В эволюции научной политики стран исхода можно выявить две основные модели сотрудничества с диаспорой: модель репатриации/запрета, корреспондирующую с консервативным взглядом на проблему «утечку мозгов», и модель взаимодействия, коррелирующую с либеральным подходом и позволяющую в некоторой мере преобразовать негативные последствия от эмиграции кадров в позитивные эффекты.

1. *Urry J.* Sociology beyond Societies. Mobilities for the twenty-first century / J. Urry. – London and New York: Routledge, 2000. – 255 p.
2. *Бауман З.* Текущая модерность: взгляд из 2011 года. Лекция от 21. 04. 2011 г. / З. Бауман. – URL: <http://www.polit.ru/lectures/2011/05/06/bauman.html>
3. *Latour B.* Networks, Societies, Spheres: Reflections of an Actor-network Theorist. / B. Latour. – 2011. – Available online at: <http://www.bruno-latour.fr/sites/default/files/121-CASTELLS-GB.pdf>
4. *Цапенко И.П.* Управление миграцией: Опыт развитых стран. / И.П. Цапенко. – М., 2009. – 384 с.
5. *Ларин А.Г.* Китай и зарубежные китайцы. / А.Г. Ларин. – М., 2008, – 78 с.
6. China statistical yearbook on science and technology 2010 / National Bureau of Statistics of Ministry of Science and Technology of the People's Republic of China. – China Statistics Press, 2010. – Available online at: <http://www.stats.gov.cn/tjsj/ndsj/2010/indexeh.htm>
7. *Varma R.* India – Born in the U.S. Science and Engineering Workforce / R.Varma. // American Behavioral Scientist. – 2010. – № 53(7). – P.1064–1078. – URL: http://www.unm.edu/~varma/print/ABS_Indian.pdf //
8. *Terrazas A.* Indian immigrants in the United States. / A. Terrazas // Migration Information Source. Retrieved, 2008. – URL: <http://www.migrationinformation.org/USfocus/display.cfm?id=687>
9. *Saxenian A.L.* Silicon Valley's new immigrant entrepreneurs. / A.L. Saxenian. / Public Policy Institute of California, Berkeley. – 1999. – URL: http://www.ppic.org/content/pubs/report/R_699ASR.pdf
10. *Wadhwa V.* America's new immigrant entrepreneurs / V. Wadhwa, A.L. Saxenian, B. Rissing & G. Gereffi. – 2007. – URL: http://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=990152
11. *Keast R.* Network Structures: Working differently and changing expectations / R. Keast, Myrna P. Mandell, K. Brown, G. Woolcock // Public Administration Review. – 2004. – Vol. 64, №3, – P.357 – 371.

12. China statistical yearbook on science and technology 2010 / National Bureau of Statistics of Ministry of Science and Technology of the People's Republic of China. – China Statistics Press, 2010. – 290 с.

13. Лунев С.И. Роль государства в достижениях в сфере информационных технологий в Индии: опыт для России / С.И. Лунев // Вопросы государственного и муниципального управления. – 2008. – № 1. – С. 38–51.

Получено 14.06.2012

С.О. Душина, Н.О. Ащеулова, В.М. Ломовицька

Моделі взаємодії країн-донорів з науковою діаспорою: від повернення до співпраці

Розглядається важлива проблема «мобільної соціології» – проблема наукової діаспори. Для аналізу використовується акторно-мережева методологія. Описується досвід ряду країн у вирішенні проблем мобільності. Виявляються дві основні моделі взаємодії держави із вченими, що виїхали за кордон: модель репатріації/заборони, кореспондуюча з консервативним поглядом на проблему «витік мізків», і модель взаємодії, корелююча з ліберальним підходом, що дозволяє пом'якшити втрати від інтелектуального відтоку.